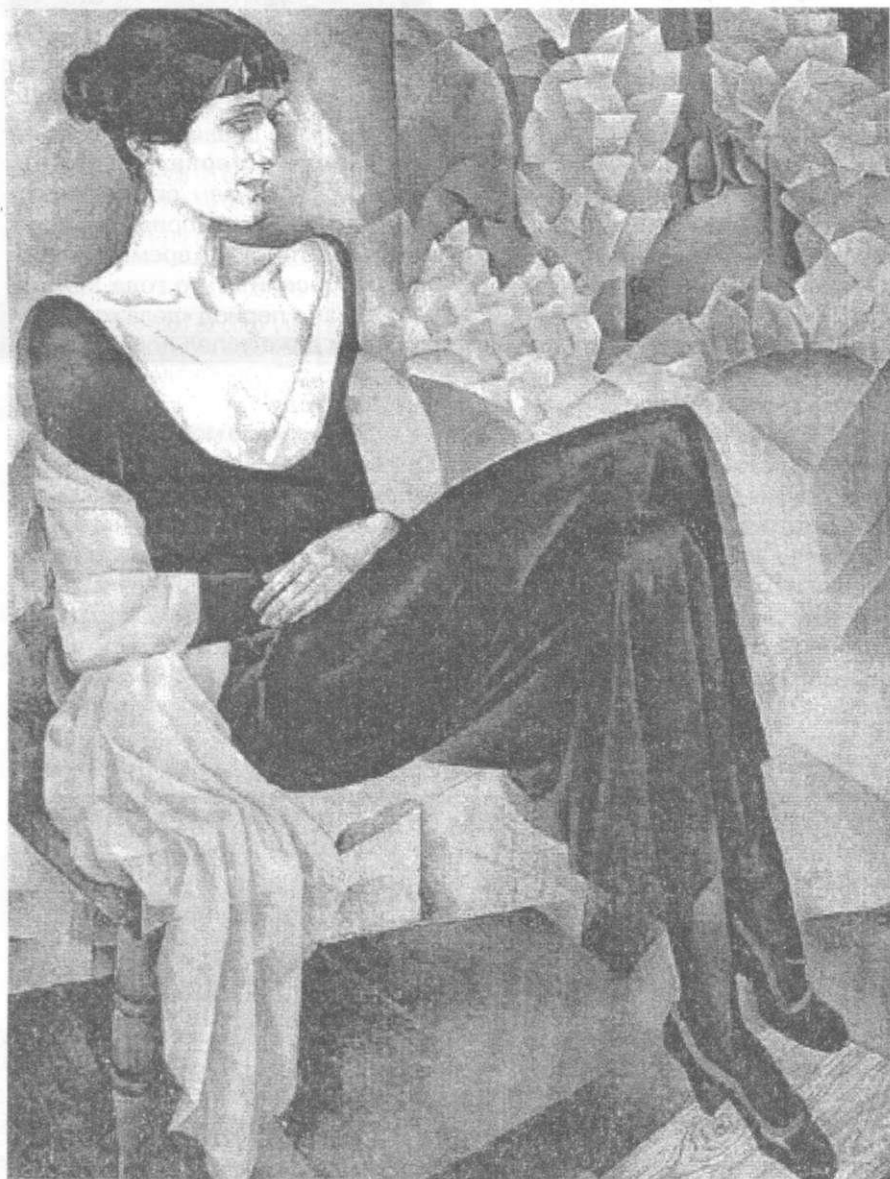

Альтман и Ахматова

В нынешнем году соединились многие юбилеи. Не только 120 лет со дня рождения Ахматовой мы отмечаем, но столько же исполнилось и художнику Натану Альтману, с которым Ахматову связала история написания портрета, ныне наиболее, может быть, известного из иконографического наследия поэтессы.

Легенда гласит, что Альтман впервые увидел Ахматову в Париже, еще не зная, кто она. Тонкий изящный силуэт молодой женщины с греческим профилем так захватил его воображение, что когда им довелось встретиться снова в кабаре «Бродячая собака» в 1913 году, он предложил ей позировать. Она согласилась.

Альтман писал портрет с Ахматовой в своей мансарде на Тучковой набережной. Из окна его мастерской в этой мансарде можно было выйти прямо на крышу дома, что часто и проделывала гибкая Ахматова.

... Я подходила к старому мосту.

*Там комната, похожая на клетку,
Под самой крышей*

*в грязном, шумном доме,
Где он, как чиж,*

свистал перед мольбертом

И жаловался весело и грустно,

О радости небывшей говорил.

Как в зеркало, глядела я тревожно

На серый холст, и с каждою неделей

Всё горше и страннее было сходство

Моё с моим изображеньем новым.

Теперь не знаю, где художник милый,

С которым я из голубой мансарды

Через окно на крышу выходила

И по карнизу шла

над смертной бездной,

Чтоб видеть снег, Неву и облака...

Анна Ахматова

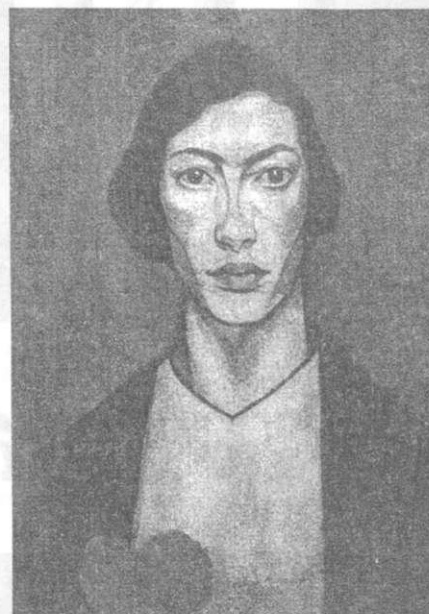
Портрет состоялся, надолго закрепив в сознании зрителей такой облик поэтессы, который воплотил художник. Многие видели в ней какой-то экзотический образ существа из иного пространства. Может быть, поэтому, складки шали на портрете возле ее изломанной угловатой фигуры ощущаются как опущенные крылья, чем-то неуловимо напоминая «Демона сидящего» Врубеля. Образ Ахматовой

в этом портрете больше, чем просто сходство, он поднимается до символического уровня, быть может, претендуя на выявление каких-то главных черт времени, запечатленного в красках. Эпоха «серебряного века» сама была изломанной и маскарадной, любующейся своим отражением как Нарцисс, вообразившей всевластие художника, творящего историю, и погибшей под обломками рухнувшего мира с началом Первой мировой войны. Анна Ахматова много размышляла об истории. Ее собственная судьба вынуждала задуматься о многом. Итогом этих размышлений стали поэмы «Реквием» и «Поэма без героя», своего рода «исповеди дочери века». В нарушении самых главных нравственных обязательств человека, отречении от Истины, в карнавальной игре, которая подменила жизнь, видела Ахматова причины позднейшей расплаты современной ей интеллигенции. **«И открылась мне та дорога, // По которой ушло так много, // По которой сына везли...»** В её интерпретации катастрофы XX века стали возмездием за предательство.

Наверно, поэтому она не любила альтмановский портрет. Слишком явно напоминал он о заблуждениях молодости, о мифе «декадентской поэтессы», как тень, тащившемся за ней всю жизнь и грубо выраженном в печально известном постановлении 1946 года: «блуд в молельне».

Жизнь самого художника, как и многих его сверстников, была похожа на приключенческий роман. Талант принес ему славу, революция дала вначале неограниченную свободу. Этой свободой самовыраже-

ния прельстился не он один. Как мы помним, революцию со вздохом облегчения приняли многие яркие таланты: и Блок, и Мейерхольд, и Маяковский... Казалось, вот она – долгожданная свобода от цензур всяческого рода. Маятник истории безжалостен – чем сильнее качнется влево, тем вернее потом вправо... И Натан Альтман это вскоре почувствовал. И хотя он оформлял Дворцовую площадь к юбилею Октябрьского переворота в 1918 году, хотя Луначарский устроил ему встречу с Лениным, и Альтман был единственным художником, которому Ленин позировал много часов – 250! (сохранились **очень** своеобразные рисунки), он, видимо, неслучайно уехал во Францию в 1928. Но связи, которые оставались на родине, тянули обратно, и в 1935 году он вернулся. К этому моменту сталинский террор набирал обороты, и Натан Альтман сознательно отказался от станковой живописи. Живя в Ленинграде, он оформлял театральные постановки, занимался дизайном и книжной графикой. От дерзкого бунтарства своей молодости он ушел, со временем не спорил, всегда оставаясь самим собой, говоря на распросы: «Зачем мне звание? У меня есть **имя!**» Элегантный, сдержанный, тонко шутивший, носивший берет и шелковый бант вместо галстука, придававшие ему нечто художническое и одновременно иностранное, окруженный поклонниками и поклонницами, пахнувший хорошим парижским одеколоном, Альтман казался пришельцем из другой эпохи, изысканной тенью прошлого легендарного времени.

Его творческая жизнь стала не исключением, а правилом в ту эпоху, когда господствовал тотальный страх. Исключением, скорее, можно назвать то, что история пощадила его, и он не погиб во время сталинских репрессий 37-го года, не был арестован в период «дела космополитов» и даже успел порадоваться своей первой персональной выставке в 1970 году.

Художник и его модель, Альтман и Ахматова снова встретились после большого перерыва в Комарове, где периодически общались. И здесь же, на Комаровском кладбище, оба они оказались похоронены – почти рядом.

*... чувствую, что Музы наши дружны
Беспечной*

*и пленительно дружбой,
Как девушки, не знавшие любви.*

Ирина Снеговая